

Проблема языковых контактов в условиях двуязычия относится к одной из важнейших теоретических проблем монголоведения — она имеет непосредственный выход в практику языковой жизни. Не все монгольские языки изучены в равной степени и потому результаты их контактов с иностранными языками не выявлены в должной мере.

Книга А. А. Дарбеевой, посвященная изучению взаимодействия монгольских языков с русским в процессе речевой практики монголоязычных билингвов на русском языке, определенным образом восполняет имеющуюся лакуну в монгольском языкознании. Она состоит из введения, трех глав и заключения.

Во введении (с. 5—34) прослеживается история изучения проблемы языковых контактов, рассматриваются принципы подхода к проблеме контактологии — собственно лингвистический и социолингвистический, излагаются взгляды автора на разработку данной проблемы на материале монгольских языков, методы исследования и описания. Здесь впервые в монголоведении выявлены типы языковых контактов и общее направление их развития в зависимости от структурного соотношения контактирующих языков и социально-экономических, культурно-идеологических условий существования самих носителей монгольских языков. При этом устанавливается, что контакты с генетически родственными и неродственными языками дают разные результаты. В принципе справедливое утверждение автора относительно результатов контактов генетически родственных языков вызывает возражение в той части, где А. А. Дарбеева, солидаризируясь с существующим мнением некоторых монголистов, считает, что язык бурят, проживающих в МНР, превратился в диалект монгольского языка (с. 12). Следует отметить, что буряты в большинстве своем перекочевали в Монголию только в начале XX в., и по данным этнолингвистического атласа МНР (1979 г.) их язык не претерпел существенных изменений. Кроме того, экспедиция Института общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР в районы компактного проживания бурят на территории МНР установила, что среди них распространено бурятско-монгольское двуязычие. Поэтому, несмотря на то, что определяющей линией развития их языка является сближение с монгольским, пока еще преждевременно утверждать, что язык бурят МНР трансформировался до уровня диалекта монгольского языка. К сожалению, наш экспедиционный материал еще не опубликован, поэтому А. А. Дарбеева ссылается лишь на имеющиеся работы специалистов МНР по этому вопросу, хотя указывает, что явление перестройки языковой системы подобных этнических групп требует специального изучения (с. 13).

При определении контактов монгольских языков с иностранными даны краткие сведения о самих монгольских языках и ареалах их распространения.

В настоящее время известны десять монгольских языков, функционирующих на территории четырех стран и контактирующих с разными языками. Такие монгольские языки китайского ареала, как дунсянский, баоаньский и монгорский, носители которых в течение многих веков живут в иноязычной среде, не имеют письменности и не контактируют с друг с другом, подверглись влиянию китайского и частично тибетского языков в такой степени, что стали малопонятными остальному монголоязычному миру. В отличие от них монголы, баргу-буряты и ойраты, проживающие во Внутренней Монголии и в Синьцзяне (КНР), имеют письменно-литературный язык на вертикальной графике, расселены относительно компактно, вследствие чего их язык испытал значительно меньшее влияние китайского языка, чем дунсянский и другие островные языки. Большее влияние китайского, а также маньчжурского языков обнаруживается в бесписьменном дагурском языке, распространенном в северо-восточном Китае. Иной тип в развитии контактов монгольских языков представлен монгольским языком, многовековые контакты которого с персидскими языками Афганистана завершаются сменой исконного языка таджикским (с. 15).

Автор полагает, что существенным фактором в функционировании монгольских языков является наличие литературно-письменной формы языка, представляющей определенный показатель стабильности исконного языка в иноязычной среде.

В соответствии с этим исследование дифференцирует контакты литературно-письменных и бесписьменных островных монгольских языков. Правомочность такой дифференциации подтверждается конкретным материалом.

Существующее различие в контактно обусловленных изменениях на фонетическом уровне между некоторыми литературно-письменными и отдельными бесписьменными островными монгольскими языками раскрывается посредством сопоставления однотипных фактов фонетических интерференций, занимающих разное место в фонетической системе этих двух групп монгольских языков. В литературно-письменных языках иноязычные элементы наблюдаются только в звуковой структуре лексических заимствований, а в бесписьменных языках эти фонетические инновации пронизывают также слова монгольского происхождения, т.е. явления интерференции перестали восприниматься как иноязычный факт, став фонетической нормой этих языков за счет вытеснения исконных элементов родного языка (с. 23—31).

Ценным является сама постановка вопроса о необходимости сопоставительного изучения проблемы контактов, характера влияния иноструктурных языков на монгольские. Литературно-письменные монгольские языки интенсивно развиваются, модифицируя и активизируя свои исконные средства, они вбирают в себя лишь

необходимые элементы из иноструктурного языка, в то время как бесписьменные островные языки перестраивают свою языковую систему в соответствии с языком окружающей этнической среды. Такое предположение к основному исследовательскому материалу представляется логичным и целесообразным.

Непосредственному наблюдению исследователя были доступны русско-монгольские языковые контакты, прежде всего русско-бурятские и русско-калмыцкие и в известной мере русско-монгольские. Именно характеристика этих контактов составляет основное содержание книги А. А. Дарбеевой. Работа выполнена на добротном фактическом материале, собранном автором в полевых условиях в результате личного наблюдения над русской речью различных социальных, национальных и возрастных групп монголоязычных билингвов.

В первой главе рассматриваются этнолингвистические условия формирования двуязычия у бурят и калмыков. Дана его периодизация с делением на три послереволюционных периода: 20—30-е, 40—50-е, 60—80-е годы. В основу данной периодизации положено соотношение общественных функций языков. Первый период отмечен созданием литературных языков на основе местных диалектов, говоров языка с максимальным расширением общественных функций родного языка. Второй период (военное и послевоенное время) характеризуется некоторым сокращением социальных функций родного языка и расширением функций русского языка, а третий период знаменуется стабилизацией общественных функций контактирующих языков.

Критерий периодизации двуязычия, очевидно, правомерен, однако он нуждается в некоторых уточнениях.

В книге сказано, что сокращение функций родного языка в процессе обучения и при издании научно-политической литературы имело место во втором периоде. Между тем это явление скорее соотносимо с третьим периодом. Именно на конец 40-х и на 50-е годы приходится наибольший объем общественно-политической литературы, изданной на бурятском языке. Переход на русский язык обучения произошел в третьем периоде. Следовательно, изменение в функциональном соотношении бурятского и русского языков с последующей стабилизацией произошло в третьем периоде, т. е. в 60—70-х годах.

Автор отмечает, что массовое двуязычие берет свое начало во втором периоде. Здесь необходим дифференцированный подход, ибо двуязычие развивалось неравномерно в разных бурятских автономных округах, в сельских районах, в городах и пригородных поселках Бурятии. Интенсивное развитие и широкое распространение бурятско-русского двуязычия имело место в третьем периоде.

В данной же главе показывается распространение среди калмыков и бурят общенационального национально-русского двуязычия контактного типа, обусловленного возросшими социально-экономическими, культурно-идеологическими и ду-

ховными потребностями самих носителей этих языков. Заметим, что стремление к овладению русским языком — это общее и типичное явление для всех народов СССР, нашедшее отражение во многих социолингвистических работах. В двух последующих главах проводится сопоставление данных бурятско-русского, калмыцко-русского двуязычия контактного типа с неконтактным типом монгольско-русского двуязычия, которое дает интересный исследовательский материал по типологии интерферентных явлений.

Проблема взаимодействия монгольских языков с русским в процессе усвоения звуковой системы русского языка монголоязычными билингвами рассматривается во второй главе. Сам по себе этот вопрос не является новым, ибо имеются сопоставительные работы по фонетике русского и монгольского языков, а также методические пособия, характеризующие ошибки в употреблении звуков русского языка под влиянием родного языка учащихся.

Тем не менее глава содержит новый исследовательский материал, изложенный в социолингвистическом аспекте. Проблема взаимодействия разноструктурных языков рассматривается через призму двуязычия. Факты звуковой интерференции в русской речи разных социальных слоев монголоязычных билингвов приводятся с объяснением их причинной обусловленности. Главный упор делается на типологизацию интерферентных явлений в русской речи носителей разных монгольских языков, на сопоставление конститутивно дифференциальных признаков фонем русского и монгольских языков, выявлены сходства и различия в условиях реализации аллофонов этих фонем. В области вокализма, например, наблюдается опереднение русских гласных *а, о, у, ы* и артикуляция их как мягкорядных *э, ё, Ы, и* родного языка билингвов. В области согласных отмечены деспирантизация щелевых *в, ф*, деаффрикатизация консонантов *ч, ц*, спирализация смычного *к*, оглушение звонких согласных и озвончение глухих, палатализация твердых согласных и веларизация мягких и т. д. Интерференция наблюдается также и в слоговой структуре слова.

Суть нового заключается также в том, что носители интерферентных явлений в русской речи соотнесены с их социальными параметрами, дающими возможность определить основные сферы бытования различных видов фонетических интерференций.

Показана статика и динамика в преодолении фонетических интерференций в русской речи разными слоями монголоязычного населения — факт, имеющий существенное значение не только для практики обучения русскому языку, но и обнаруживающий обратное явление: возможность усвоения родным языком билингвов тех или иных фонетических элементов русского языка. Это же явление параллельно прослеживается в данной главе и при анализе звуковой адаптации русизмов в монгольских языках,

когда рассматриваются сходные фонетические процессы в механизме освоения звуковой структуры русских слов в русской речи монголоязычных билингвов и в их родном языке. Наблюдение за живым процессом двуязычия помогло автору в какой-то мере уточнить потенциальные возможности родного языка билингвов для восприятия иноязычных элементов в условиях двуязычия.

В третьей главе рассмотрены интерферентные явления в русской речи монголоязычных билингвов на уровне морфологии.

Выделяются два типа интерференции. Первый тип обусловлен отсутствием в родном языке билингвов некоторых грамматических форм, находящихся в русском языке (категории грамматического рода, возвратной формы глагола, инфинитива, префиксальных глаголов). Второй тип морфологической интерференции детерминирован наличием в родном языке билингвов грамматических категорий, имеющих аналоги в русском языке, но с несколько иным функционально-грамматическим содержанием (категории числа, падежа, вида, залога, времени и т.д.). В работе подробно и последовательно описаны все виды интерференций по каждой из этих грамматических форм. Третья глава, так же, как и вторая, снабжена хорошо продуманными, обобщающими материал таблицами.

После лингвистической характеристики интерферентных явлений показаны преимущественные сферы бытования интерференций, обусловленные своеобразием социальной и национальной стратификации. Устанавливается, что распространение, частотность, их статика и динамика имеют прямую зависимость от таких факторов, как возраст, образование, профессия билингва, тип контакта и время приобщения к русскому языку. Констатация такой зависимости языковых явлений от социальных параметров представляется важной, ибо именно социальные признаки указывают на возможные пути преодоления явлений интерференции.

Интересными представляются оппози-

ции контактного и неконтактного типов двуязычия. Они определяют разную степень распространения двуязычия среди населения — массовое и групповое. Кроме того, неконтактный тип двуязычия дает такие разновидности интерференций, которые уже не встречаются у представителей контактного двуязычия. Противопоставление контактного типа массового двуязычия у калмыков и бурят неконтактному типу двуязычия у монголов дало возможность типологизировать интерферентные явления в русской речи носителей разных монгольских языков с указанием общности и различия между ними в процессе усвоения билингвами второго языка.

Наряду с этим в работе выявлены наиболее пронизываемые звенья фонетической и морфологической систем родного языка или иноязычного влияния.

В заключение следует отметить, что монография А. А. Дарбеевой, представляющая новое направление в монголоведении, посвящена решению проблемы, имеющей особое значение и актуальность в наши дни, когда в языковой политике ставится задача «всеми мерами содействовать расцвету национальных литературных языков и в то же время добиваться полного овладения русским языком всеми гражданами СССР» [1].

Основные итоги работы важны не только для практики обучения русскому языку носителей монгольских языков, но и для теории языковых контактов.

Данная работа дает основание надеяться, что исследование проблем контактологии монгольских языков будет продолжено на материалах других уровней языка и речи — лексики, семантики, фразеологии, синтаксиса и стилистики.

Шагдаров Л. Д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русский язык как средство межнационального общения. М., 1977, с. 3.

Виноградов В. А., Коваль А. И., Порхомовский В. Я. Социолингвистическая типология. Западная Африка. Отв. ред. Охотина Н. В. — М.: Наука, 1984. 128 с.

Книга, написанная сотрудниками Сектора африканских языков Института языкознания АН СССР, имеет не только узкопрофессиональную (африканскую), но и общезыковую и, самое главное, общекультурологическую ценность. Доказательством этому утверждению служит и богатый фактический материал — экономно и лапидарно изложенный, и теоретические положения книги.

Самым интересным и продуктивным понятием, используемым авторами в качестве основы для построения социолингвистической (макросоциолингвистической) типологии, является понятие коммуникативной среды (КС), которая определяется как исторически сложившаяся этносоциоязыковая общность, ха-

рактеризуемая относительно стабильными и регулярными внутренними коммуникативными связями и определенной территориальной локализованностью» (с. 9). Макросоциолингвистика, как считают В. А. Виноградов, А. И. Коваль и В. Я. Порхомовский, должна ориентироваться на изучение социолингвистического состояния коммуникативных сред (на изучение этнических, языковых и коммуникативных ситуаций) с тем, чтобы эффективно и точно описывать и современное речевое поведение этносов, и прогнозировать их дальнейшее поведение (прогнозировать использование той или иной «идиомной» тактики и стратегии).

Таким образом, в основе социолингви-